

Бабилунга Н.В.,
*профессор, академик Тираспольского отделения
Международной славянской академии*

**Водоток или водораздел? – Молдова и Приднестровье
в геополитическом контексте**

В статье рассматривается роль реки Днестр в историческом контексте с точки зрения классической геополитики, в частности, работ одного из её основателей К. Хаусхофера. Приднестровье в этой концепции твердо является неотъемлемой частью славяно-православной цивилизации. Тогда как Молдова входит в береговую зону и имеет свойство переходить из одного геополитического пояса в другой и обратно. Это позволило Хаусхоферу называть Пруто-Днестровское междуречье «Европейской Месопотамией». Возвращение Молдовы в зону влияния Русского мира могло бы способствовать снятию с Днестра как пограничья его дестабилизирующего значения. Но это вряд ли возможно в современной геополитической ситуации.

Ключевые слова: *Приднестровский конфликт геополитические зоны, водоток, водораздел, Молдова, Приднестровье.*

Babilunga N.V.,
*Professor, Academician of the Tiraspol Department
International Slavic Academy*

**Watercourse or watershed? - Moldova and Transnistria
In a geopolitical context**

The article discusses the role of the Dniester River in the historical context in terms of classical geopolitics, in particular, the works of one of its founders K. Haushofer. Transnistria in this concept firmly is an integral part of the Slavic-Orthodox civilization. Whereas Moldova enters the coastal zone and has a property to move from one geopolitical belt to another, and back. This allowed Haushofer to call the Prothet-Dniester intercourse "European Mesopotamia". The return of Moldova to the zone of influence of the Russian world could contribute to the removal from the Dniester as the boundary of his destabilizing value. But it is unlikely possible in a modern geopolitical situation.

Keywords: *Transnistrian conflict, geopolitical zones, watercourses, watershed, Moldova, Transnistria.*

Древние молдавские летописцы называли свою родину «страною на пути всех бед». Для такого утверждения у них были все основания. Земля Молдовы и Приднестровья была и остается частью очень важного в

геополитическом отношении региона Европы, который протянулся с севера на юг вдоль Днестра от Карпат до Черного моря. А потому у нас тоже имеются основания рассмотреть роль Днестра с точки зрения классической геополитики. Мы имеем ввиду взгляды одного из основателей геополитики как науки Карла Хаусхофера. Но для начала одно необходимое замечание.

В советские времена немецкого ученого считали чуть ли не главным идеологом нацизма на том основании, что он, будучи профессором и генералом, навещал в мюнхенской тюрьме после «пивного путча» своего ученика Рудольфа Гесса и беседовал с ним о геополитике. В этих беседах участвовал и Гитлер, который позднее вставил некоторые мысли Хаусхофера в «Майн кампф», в частности, мальтузианское понятие «жизненного пространства», которое каждое государство стремится расширить.

Но как ученый и военный Хаусхофер никакого отношения к нацизму не имел и не несет никакой ответственности за интерпретацию Гитлером его теории, которая скорее всего была даже непонятна фюреру. Ученый никогда не состоял в нацистской партии, а когда Гесс улетел на своем самолете в Англию, гестапо начало за ним слежку. В конце концов, он был брошен в концлагерь, а его сыновья были расстреляны эсесовцами за участие в покушении на Гитлера в августе 1944 г. Но главное в другом.

Хаусхофер разработал свой вариант концепции евразийства, в частности, военно-политическую доктрину «Континентального блока (союза)», которая полностью противоречила планам фюрера и называлась «Ось Берлин-Москва-Токио». Этот блок должен был объединить такие государства, как Испания, Италия, Германия, Россия и Япония, чтобы вместе противостоять альтернативному западному англосаксонскому блоку Британской империи и США. В 1941 г. за несколько месяцев до нападения гитлеровцев на СССР Хаусхофер опубликовал статью «Континентальный блок Берлин-Москва-Токио», в которой призывал любыми способами избежать конфликта между немцами и русскими. Очевидно, ученый, которого долгое время причисляли к «идеологам нацизма», никакого отношения к идеологии, а тем более, к политике фашистского режима в Германии, не имел, да и не мог иметь, исходя из принципов его понимания евразийства. Но это к слову. Вернемся к геополитической роли Днестра в том виде, как его рассматривал К. Хаусхофер.

Мы знаем, что на всем обозримом протяжении человеческой истории Днестр играл исключительно важную роль, являясь естественной границей между различными этнокультурными зонами Восточной Европы. Земли, простирающиеся к Востоку от Днестра, являются составной частью славянского ареала, точнее, славяно-православной цивилизации «срединной земли», Евразии. Они никогда не входили в островную сферу влияния или «береговую зону», которая имеет свойство переходить из одного геополитического пояса в другой и обратно, как это постоянно происходит с Пруто-Днестровским междуречьем, исторической территорией Бессарабии,

называемой Хаусхофером «Европейской Месопотамией» [Хаусхофер, 2001: 162].

В отличие от береговой, «дисконтинентальной» зоны, в которую, несомненно, входит территория Республики Молдова, Приднестровье уже несколько столетий, включая и наши дни, является частью такого культурно-исторического и цивилизационного феномена, как Русский мир, объединяющего в своем пространстве различные православные народы и государства, подобно тому как понятие «Германия» у немцев оставалось единым всегда, несмотря на существование в различные эпохи множества германских государств. Самоидентификация многонационального народа Приднестровья как неотъемлемой части православного русского пространства в самом широком значении этого слова подчеркивает значение этой сравнительно небольшой территории в системе восточно-христианской цивилизации, где граничат влияния Русской Православной Церкви и автокефальной Румынской Православной Церкви, находящейся в авангарде экуменизма и сближения с Ватиканом. Постоянно укрепляя и наращивая с помощью Запада свое присутствие и активность в Молдове, эта сила приобретает все более и более четкий политический характер, придавая Приднестровью одну из ключевых ролей в геополитической системе координат восточно-христианской цивилизации [Фролов, 2002: 68-69].

По мнению ведущих российских исследователей в области геополитики, «Приднестровская трагедия и антироссийские настроения в нынешней Румынии и Молдавии снова заставляют обратить особое внимание на униатское и прокатолическое лобби, которое только и может быть носителем антимосковских настроений и латинских тенденций в этих областях» [Дугин, 1997: 404]. И если в романовской России XIX века и в советской России XX века Приднестровье большую часть времени не играло почти никакой геополитической роли в играх на «великой шахматной доске», то после разрушения сначала царской Российской империи, а затем и советской супердержавы СССР, Приднестровье приобретает все большее и большее значение для успеха или, наоборот, неуспеха в создании атлантистами «санитарного кордона» между Россией и Европой (особенно Германией). Объективно Молдова помогает, а Приднестровье мешает атлантистам исключить возможность установления между Россией и Германией интеграционных связей в рамках стратегического союза, а тем более в рамках внешнеполитической оси Москва–Берлин, которая может ослабить контроль США (НАТО) над европейскими странами и в других регионах мира.

Для современной России, пытающейся после десятилетий предательства, смуты и неустройства снова занять подобающее место в мире в соответствии со своей ролью в развитии человеческой цивилизации, Приднестровье становится очень важным геополитическим регионом в условиях, когда Молдова кардинально сменила ориентацию с евразийской на атлантическую. Это тем более важно, когда «независимые» государства «ближнего зарубежья» и бывшего советского блока, вышедшие из-под

контроля Москвы, охотно становятся послушным орудием в осуществлении мондиалистской политики глобализации на европейском континенте и сознательно превращают свои территории в «санитарный кордон» на службе у США по формуле «независимость от ближнего и зависимость от дальнего». В отличие от этих стран российского «ближнего зарубежья», добровольно вставших на путь колониальной подчиненности Западу и манифестирующих этот путь как успехи своей «национально-освободительной борьбы», ПМР полностью сохраняет свою экономическую и политическую самостоятельность, а главное – свою неколебимую верность России. Возможно, поэтому многие политики, в том числе и депутаты Государственной Думы России, сравнивают Приднестровье с «Брестской крепостью» на юго-западных рубежах православно-славянского мира, крепостью, не сдававшейся на милость врагам России.

Но роль геополитического пограничья и контактной зоны различных пластов человеческой цивилизации и культур не была навязана Приднестровью искусственно в последние десятилетия какими-то политиками, а являлась его постоянной функцией на протяжении столетий и даже тысячелетий. Здесь сталкивались и контактировали оседлые земледельцы Балкано-Карпатского региона и кочевые цивилизации Великой степи, восточнославянский мир православия и западнославянская католическая культура, мир христианства и мир ислама, германо-романское пространство и пространство славянское. На протяжении веков и тысячелетий ни о какой стабильности на этих землях не было и речи. Могущественные державы боролись за эти территории. Очень часто Приднестровье разрывалось между враждебными государствами, переходило из рук в руки, завоевывалось и отвоевывалось вновь.

Это вовсе не случайно. Карл Хаусхофер относил Днестр к рекам, имеющим в мире наиболее дестабилизирующее значение. «Из самого беглого рассмотрения границы по востоку, – писал он, – вытекает с точностью одно: она становится все сложнее (для охраны), чем больше русло реки развивается в рамках культурного ландшафта, чем более освоенным оно становится. Все пограничные реки мира – Рейн, Дунай, Висла, Прут и Днестр, Инд, Шатт-эль-Араб, Амур, Красная река, Рио-Гранде – становятся в возрастающей степени исходной точкой политических волнений и угроз не только для соседей, но и для всех, для мира во всем мире, чем больше возрастает их коммуникационная и энергетическая ценность, чем нераздельнее хозяйственное развитие по обоим берегам связывает соседей, чем больше враждебный жизни и сношениям облик крупной реки отходит на задний план перед дающими энергию и дружественно связующими процессами» [Хаусхофер, 2001: 161-162].

В работе «Границы в их геополитическом значении», написанной в 30-е годы, когда Бессарабия была оккупирована румынами, а Днестр стал временной пограничной линией между СССР и Румынией, профессор Хаусхофер сравнил Пруто-Днестровское междуречье с Месопотамией:

«Междуречье в “Промежуточной Европе”, которое в двухтысячелетней истории отражает в миниатюре судьбы классического месопотамского Двуречья, вследствие борьбы вокруг его речных границ, – это Бессарабия. Здесь на долю полосы земли, составляющей около 45000 кв. км, с абсолютно гетерогенным населением выпала сомнительная честь вслед за проблемой трех крупных рек Внутренней Европы – Рейном, Дунаем и Вислой – ...образовать границу Европы по водотоку между Прутом и Днестром, о которой много уже говорилось. В самом узком месте две судьбоносные реки сближаются на расстоянии 22 км, сухопутная граница с сопредельной, ныне живущей в том же самом союзе Буковиной является 55,5 км – расстояние по географической широте основного центра власти Кишинева – 77 км, самое большое растяжение при впадении рек в Дунай и берегам лимана – 198 км» [Хаусхофер, 2001: 160].

Но поразительнее всего то, что немецкий классик уже тогда отчетливо понимал ненормальность навязанного Днестру статуса, который был не только вреден и невыгоден никому экономически, но и создавал очаг опасности военного противостояния. Однако в 1940 г. Советскому Союзу удалось предотвратить подобное противостояние мирным разрешением Бессарабского вопроса 28 июня 1940 г., когда румынские войска и власти покинули край, и граница была восстановлена по Пруту, Днестр утратил геополитическое значение. В 90-х годах XX в. Бессарабский вопрос был возрожден кишиневским режимом как политическая проблема. Днестр вновь приобрел функции пограничной реки, и Молдова сумела возвести политическое противостояние в степень военной агрессии и войны против возродившейся государственности Приднестровья.

Интересно отметить, еще тогда, в 30-е годы, К. Хаусхофер считал вполне естественной принадлежность Пруто-Днестровского междуречья России. Возвращение Бессарабии Советскому Союзу снимало бы с Днестра статус пограничья и ликвидировало бы угрозу войны на его берегах. Он писал: «Из-за своеобразия двух многократно оспаривавшихся речных границ известная страна видится отчетливейшим образом: оказывавший ранее услуги сообщению, проходимый для плоскодонных пароходов, по меньшей мере, на небольших участках, извилистый Днестр сегодня по причине навязанного пограничного своеобразия полностью парализован с точки зрения ценности реки как коммуникации и источника энергии. Нынешний Днестр – это всего лишь отличная подпора для контрабанды между разными экономическими системами – Советским Союзом и капиталистической Румынией и арена политических происков, очаг войны не только в Европе, но и в мире; тем более что Япония и, само разумеется, Советский Союз еще не признали границу по Днестру и более чем сомнительно, что кто-то действительно вступился бы за нее» [Хаусхофер, 2001: 161] ¹.

Именно Хаусхофер обратил внимание на принципиальную разницу в геополитическом значении границы по водоразделу (wasserscheigerenze) в отличие от границы по водотоку (wasserlaufgrenze). В одном случае на первый

план выдвигается разделяющая способность реки в условиях конфликта этносов, конфессий, цивилизаций, когда река может служить разграничителем противоборствующих сил. В другом случае приоритетным становится единство жизненного цикла. Тогда река полностью удовлетворяет самые разнообразные ожидаемые от нее функции в естественном и бесконфликтном состоянии. Она служит и водопоем для охотников и скотоводов, и источником орошения для земледельцев, служит и транспортным путем перемещения товаров для купцов, и средством коммуникации, источником энергии и проч. При этом второй случай более характерен для того состояния, когда река прекращает свои функции разделительного пограничья и становится внутренней артерией того или другого геополитического плато.

Имея важное геополитическое значение, Днестр мог легко выступать как в одной, так и в другой ипостаси. «Вся история Бессарабии... – говорит К. Хаусхофер, – важное обвинение превратностям природы, делающим невозможной границу по крупной реке, ведущим к расколу единых жизненных областей, и это тем пагубнее лежит бременем на соседях, чем больше развивался или мог бы развиваться культурный прибрежный ландшафт, чем чаще единоплеменные слои населения и расы издревле пересекали реку, оставляя на ее берегах лишь местно чуждые противоречия силы» [Хаусхофер, 2001: 161].

В первом тысячелетии до новой эры Днестр разделял земледельческие фракийские племена и степных кочевников – киммерийцев, скифов, сарматов и другие ираноязычные племена скотоводов. В III-IV вв. н. э. река является границей между остготами и вестготами, а в VI-VIII вв. – между близкородственными славянскими племенами антов и склавинов; в IX-XI вв. – между тиверцами и уличами. Во времена татаро-монгольского завоевания Днестр служил естественной границей между двумя этнокультурными зонами Золотой Орды, отчетливо показанными археологами по локализации погребений конца XIII - начала XIV вв.

С образованием Молдавского независимого княжества по договоренности между господарем Петром Мушатом и польским королем Владиславом Ягайло в 1387 г. Днестр становится границей между Молдавией и Русско-литовским государством. После вхождения Молдавского княжества в состав Османской империи с середины XVI до конца XVIII вв. (за исключением последней четверти XVII в., когда оба берега Днестра подчинялись турецкому султану), Днестр разграничивал польскую и турецкую сферы влияния. С 1789 по 1812 гг. река отделяла Российскую империю от Османской, а с 1918 по 1940 гг. Днестр разделял Советскую Россию (СССР) и королевскую Румынию.

Однако Днестр не раз становился и внутренней рекой: во времена существования европейской Сарматии (I-II вв.), в период Киевской и Галицкой Руси (XI-XIII вв.), после установления власти Золотой Орды к востоку от Карпат (середина XIII в.), годы существования на реке Прут границ Российской империи (1812-1917) и Советского Союза (1940-1991). В

литературе уже отмечалась характерная тенденция: «Днестр становится внутренней рекой только в те периоды, когда то или иное отчетливо континентальное телурократическое Евразийское государство, достигая пика своего могущества, распространяется на оба берега Днестра. Никогда на протяжении истории земля к востоку от Днестра не входила в островную сферу влияния, следовательно, геополитически входит в то образование, что мы вслед за Макиндером называем Евразией, «геополитической осью истории», «сердцевинной Земли». С геополитической и геокультурной точки зрения эта граница совпадает с границей славянского ареала...» [Букарский, 2004: 79]

В настоящее время Приднестровская Молдавская Республика прямо и непосредственно граничит с Республикой Молдова, располагающейся на значительной части «Европейской Месопотамии» и в очередной раз сменившей свою геополитическую ориентацию. С евразийской на атлантическую после весьма сомнительной «победы» блока НАТО в холодной войне против Советского Союза и Организации Варшавского договора. Попытки националистического проратонского руководства Молдовы (под какими бы цветами оно не выступало – от нацистского и либерального до псевдокоммунистического) пристегнуть к своему атлантическому курсу и многонациональное прорусское евразийское Приднестровье привели к ожесточенному противостоянию и кровопролитной войне 1991-1992 гг. Националистический постулат «кровь превыше всего», заимствованный правителями Молдовы у румынского классика Михая Эминеску и выдвинутый еще группировкой Снегура–Друка в качестве реальной политики и ее стратегической направленности, вызвал протест у всех категорий жителей Приднестровья, в том числе и молдаван.

Этот протест аккумулировался во всеобщую готовность с оружием в руках защищать восстановленную государственность как единственного гаранта своего образа жизни, своих приоритетов и ценностей, своего менталитета, не говоря уж о благоденствии, свободе и равенстве. Ибо в отличие от постулатов, объявленных правящим в Молдове политическим классом священными, для жителей Приднестровья характернее евразийский мультикультуралистский принцип – «почва превыше крови». Это принцип, близкий к евангельскому «нет эллина, нет иудея», принцип сакральной верности родной земле вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности населяющих ее жителей [Букарский, 2004: 80].

Как это ни чудовищно звучит, но неонацисты Молдовы, разжигавшие политическое противостояние до накала кровопролитного конфликта и гражданской войны своими кличами «Русских за Днестр, евреев – в Днестр!», по-своему были правы и действовали вполне логично. Им хотелось превратить Днестр в водораздел (*wasserscheigerenze*), и они этого добились.

Возникает вопрос, – надолго ли? Сможет ли нынешнее поколение добиться превращения границы между Молдовой и Приднестровьем по водотоку (*wasserlaufgrenze*)? Сможет ли вернуть Днестру единство

жизненного цикла в бесконфликтном состоянии к радости жителей обоих берегов? Этого мы не знаем. Пока нам остается лишь уповать на разум и здравомыслие людей, принимающих судьбоносные решения.

Примечания

1. Карл Хаусхофер. Указ. соч. С. 161. Речь идет о том, что 28 октября 1920 г. Англия, Франция, Италия и Япония подписали с Румынией Парижский протокол, по которому стороны признали «суверенитет Румынии над Бессарабской территорией». Однако ратификация этого протокола так и не была завершена: Англия ратифицировала его в 1922 г., Франция – в 1924 г., Италия – в 1927 г., Япония не ратифицировала вообще, Соединенные Штаты отказались принимать участие в его разработке и подписании, а Советский Союз, Германия и другие страны не привлекались даже к его обсуждению. Поэтому Парижский протокол от 28 октября 1920 г. не имел международно-правовой силы и считался дипломатами неправомочным. Поскольку на момент 25 октября 1917 г. все жители Бессарабии являлись гражданами России, Советский Союз продолжал рассматривать их как своих подданных, а земли от Днестра до Прута как свою территорию, временно оккупированную соседней державой, с которой ни Россия, ни Советский Союз не находились в состоянии войны, более того – они являлись союзниками по Антанте.

Список литературы

Букарский, 2004 – Букарский В. В. Геополитическое значение Днестра как границы // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2004. № 8. С. 79.

Дугин, 1997 – Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 404.

Фролов, 2002 – Фролов К.А. Приднестровский регион в геополитической системе координат восточно-христианской цивилизации // Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. Тирасполь, 2002. С. 68–69.

Хаусхофер, 2001 – Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет. М., 2001. С. 162.

References

Bukarskij, 2004 – Bukarskij V. V. Geopoliticheskoe znachenie Dnestra kak granicy // Ezhegodnyj istoricheskij al'manah Pridnestrov'ya. 2004. № 8. S. 79.

Dugin, 1997 – Dugin A.G. Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii. M., 1997. S. 404.

Frolov, 2002 – Frolov K.A. Pridnestrovskij region v geopoliticheskoy sisteme koordinat vostochno-hristianskoj civilizacii // Pridnestrov'e v geopoliticheskoy sisteme koordinat НКНІ века. Tiraspol', 2002. S. 68–69.

Hauskhofer, 2001 – Hauskhofer K. O geopolitike: raboty raznyh let. M., 2001. S. 162.